

ПО СЛЕДАМ РИТЫ В ЛАТВИИ

АНДА КУБУЛИНЯ
(Рига)

Познакомились мы с Маргаритой Ивановной Лекомцевой (друзья называют ее Ритой) в Таллине в начале 1970-х годов на международной конференции по фонетике. Обе мы выступали с докладами: она — уже известный диалектолог — представляла доклад по диалектологии с акцентом на семиотику. Для меня это был первый международный форум. Сразу заметила — Риту высоко ценят эстонские коллеги, и не только за ум, но и за тонкое, деликатное поведение. Среди докладчиков я лично знала только своего руководителя — Лаймдота Цеплитиса, заочно — Ю. М. Лотмана, Я. Пылдымяэ. Риту среди всех выделял особый, робко-удивленный, вопросительный тон речи — в Риге русские, как правило, так приветливо не говорили. Потом узнала — она работает в институте Славяноведения и балканистики в Москве, исследует балтийский субстрат северо- и среднерусских говоров, знает латышский, литовский языки. Из латышских языковедов выше всех она ценила, по-моему, Антона Брейдака (он также занимался исследованием говоров).

Мой доклад был о специфике и динамике ритмического сигнала речи. Тема ее заинтересовала, беседы по этому поводу продолжались в Риге, где она часто занималась в архивах, притягивая к себе людей живим интересом к обсуждаемым вопросам. Мои друзья, с которыми я ее познакомила, еще сегодня вспоминают рассказы Риты об экспедициях в Белоруссию по болотам Полесья. По сути — рассказы были жуткие. В XX веке, в цитадели прогресса, как себя позиционировал СССР, преобладал в этом крае

почти первобытный строй. Но Рита рассказывала о своих приключениях, не унижая местных людей. На первый план она выдвигала комизм преодоления нечеловеческих препятствий как местными жителями, так и приезжими москвичами. Все смеялись до слез — в смехе исчезали неприглядные будни.

Беседы с Ритой открыли мне как азы, так и достижения семиотики, но для меня интересней был ритм стиха, в безднах которого открывались глубины поэтического смысла, то, что стандартный социологический метод исследования выявить не мог. Когда впервые я приехала на конференцию в Москву, то побывала и в доме на улице Неждановой (теперь — Брюсов переулок), где проживали Лекомцевы. Ранее коллеги рассказывали о своеобразной обстановке в доме и хвалили альтруистическую стойкость Риты. Дело в том, что ее муж, профессор Юрий Лекомцев, был инвалидом, и Рита ежедневно читала ему вслух научную литературу по глоссематике, семиотике, под диктовку печатала его статьи. Ситуацию я знала, но все равно не предполагала, что в их квартире не будет чувствоваться аура несчастья или болезни. Юрий обо всем знал, всем интересовался, охотно обсуждал новые идеи, умело справлялся со своими болезнями.

Для того, чтоб для Риты интересующий ее балтийский субстрат не оставался лишь абстрактной вокабулой, а стал живым организмом, познакомила я ее с латышскими художниками Вией Микане (сделавшей медаль с портретом Риты), Бирутой Делле (Рита купила ее «Цветущие каштаны»), композитором Майей Эйнфелде, с которой они горячо обсуждали новинки русской музыки, так как она часто гостила в московском доме отдыха композиторов, а также познакомила с философом Вилнисом Зариньшем, с которым она побывала на Братском и Межа кладбищах, обсуждая символы скульптур на памятниках, а также на памятнике Свободе.

В марте 1981 года наш институт Языка и литературы организовал экскурсию по хуторам мастеров по керамике Латгалии,

пригласив также Риту. Первый день сложился не ахти — с самого утра Рита чувствовала себя неважно, но все же решила поехать. Около Кокнесе ей стало хуже, поэтому мы часто останавливались, чтобы она могла подышать свежим воздухом. Когда добрались до места, уже темнело, к тому же оказалось, что до хутора мастера надо было идти пешком еще километр. Все ушли вперед, мы с Ритой остались одни в незнакомом месте, в темноте, посреди поля. Стало не по себе — вокруг темнота, над головой мерцают звезды, если что-то случится, как сказать Юре. Двигались мы с Ритой так — три шага вперед, 10 минут отдыха, опять три шага и 10 минут отдыха. Наконец добрались до хутора. Я уложила ее в кровать, но через некоторое время она встала и устроилась на полу под столом рядом с музыковедом Визбулитей Берзиной — там было спокойней. Для подушки она выбрала сапог Визбулите. Это вызвало взрыв смеха и разрядило атмосферу. Рита смеялась вместе со всеми, и смех вернул ее к нормальному состоянию. Рита побывала также в Рундале, Межотне — дворцах, автор которых Б. Растрелли, а также в Юрмале в Пумпури.

Мы много говорили о литературе: я читала ей свои любимые стихотворения, рассказывала о проблемах латышской лирики. Она слушала, потом задавала точные вопросы, которые дополняли услышанное и мои рассказы. Особенно о семантике грамматических форм, местоимениях в стихах О. Вацietиса. Очевидно, сработали ее знания по диахронике. Разговоры обогатили нас, но больше всего я любила ее за этичность, за убеждение: ученый не может поступить подло, нечестно, а то наука раньше или позже отомстит ему за это, не коллеги, а сама наука.

1990-е годы, затем XXI век разрушили контакты, вынудили меня сменить специальности. Я стала руководителем библиотеки Академии Культуры. Новая работа требовала всей энергии — как умственной, так и физической. Иногда мы с Ритой обменивались письмами, но это было не то, что раньше, не хватало простых человече-

ских контактов. Контакты погасли, но не погасли ее идеи в латышском литературоведении и в моей памяти. Спасибо Тебе, Рита!